
НЕФОРМАЛИЗОВАННЫЕ ДАННЫЕ: МЕТОДЫ СБОРА И АНАЛИЗА

К.С. Дивисенко
(Санкт-Петербург)

ОПЫТ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА¹

В статье приводится описание метода структурно-семантического анализа нарратива, основанного на семиологической теории А.-Ж. Греймаса. В качестве иллюстрации используется автобиографический текст, в котором описываются религиозный поиск и обращение. Делаются выводы о возможностях использования данного метода в реконструкции религиозного жизненного мира.

Ключевые слова: А.Ж. Греймас, автобиография, актант, актантная модель, жизненный мир, нарратив, религия, репрезентация религиозного опыта, семиология, структурно-семантический метод.

На фоне общего интереса социологов к использованию нарративов в своей исследовательской практике [1, с. 56–58], в отечественной науке наблюдается, за отдельными исключениями, редкое обращение к структурному анализу нарративов, в частности структурно-семантическому методу исследования.

Константин Сергеевич Дивисенко – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Социологического института РАН. E-mail: divis@inbox.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Религиозные знания, убеждения и практики в жизненном мире: межконфессиональные особенности (православие и протестантизм)»), проект № 11-33-00381a2.

Характеризуя структурно-семантический метод в целом, следует отметить, что данный подход к изучению нарратива базируется на семиотическом понимании социальной коммуникации, где знак и текст (система знаков) служат основными посредниками в социальной интеракции.

Нарратив как рассказ о какой-либо истории (реальной или вымышленной) имеет два измерения. Первое – поверхностная структура, которая представляет собой передаваемую информацию. Глубинная структура – второе измерение нарратива, где сосредоточены смыслы и значения, стоящие за непосредственно воспринимаемым сообщением. На анализ и реконструкцию глубинной структуры ориентирован структурно-семантический метод.

Следует заметить, что нарративный анализ отличается большим разнообразием «методологических вариантов» [2, с. 172]. Более того, некоторые исследователи полагают, что нарративный подход к анализу текстов используется в различных типах качественного исследования: биографическое исследование (анализ индивидуального *жизненного опыта* людей), история жизни (реконструкция *социального контекста* посредством изучения индивидуальной истории человека), устная история (воссоздание *исторических событий* на основе воспоминаний) [3, р. 55]. Как правило, в основе этих типов исследования лежит индуктивная логика и в них используются «мягкие» процедуры и техники. Структурный анализ нарратива, напротив, предполагает использование дедуктивных процедур и достаточно формализованных методов [4, с. 389].

Можно отметить, что метод структурной семантики преимущественно используется в лингвистике, филологии, психолингвистике, реже – в этнологии, культурологии и политологии. Поэтому можно утверждать, что структурно-семантический анализ принадлежит к арсеналу средств, редко используемых в социальных науках. В зарубежной науке этот метод применяется

значительно чаще. Не ставя перед собой задачи репрезентативного обзора иностранных источников, можно выделить несколько самостоятельных областей¹.

Так, структурно-семантический метод применяется в исследованиях организаций (*organization studies*). К числу часто цитируемых работ в этой области принадлежат публикации Б. Чарнявской (*B. Czarniawska*) (см., например: [5; 6]). Интерес к анализу нарративов в рамках исследований организаций обусловлен тем, что современный менеджмент во многом опирается на «истории успеха» отдельных людей. Индивидуальная история жизни, нарративизация личного опыта, представленные в рассказе, являются важной составляющей частью самопрезентации и ключевыми элементами бизнес-обучения.

Структурно-семантический метод также используется в изучении бизнеса и предпринимательства [7]; в исследованиях социальной коммуникации, журналистики, СМИ [8; 9]; в анализе дискурса и риторики [10–12], а также повествований Священной истории в рамках библеистики (*biblical studies*) [13; 14]. Эти разноплановые исследовательские области объединяет структурный анализ сюжета.

Основные теоретические положения структурной семантики

Разработка идей структурной семантики принадлежит основателю Парижской семиотической школы Альгирдасу-Жульену Греймасу. Представители Парижской школы, в отличие от сторонников других семиотических направлений, переместили исследовательский акцент с изучения знаковых систем на более

¹ Мы сосредотачиваем наш краткий обзор не на всех исследованиях, где используется структурный анализ нарратива, а лишь на тех, где в теоретической основе лежат идеи А.-Ж. Греймаса.

глубокий анализ семантического измерения знака (т.е. значения) [15, с. 7–9]. По их мнению, благодаря анализу значения могут быть раскрыты универсальные структуры, лежащие в основе человеческого бытия, поскольку значение в семиотическом понимании – социокультурно обусловленная связка между миром вещей и миром человеческих представлений о них.

Если для Альфреда Шюца мир, говоря образно, светился смыслом [16, с. 194], то для Альгирдаса Греймаса – значением¹ [15, с. 5]. Здесь мы не будем останавливаться на общефилософских отправных точках феноменологии и семиологии, только заметим, что проект А. Ж. Греймаса, так же как и проекты А. Шюца (социальная феноменология) и Х.-Г. Гадамера и П. Рикёра (герменевтика) предполагали попытку создания целостной научной методологии, общей для всех гуманитарных наук [18, с. 14; 19].

В основе структурной семантики лежат идеи французского структурализма (К. Леви-Стросс), семиотики Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева, разработки Пражской лингвистической школы (Р. Якобсон), морфологический анализ волшебной сказки В. Я. Проппа.

Одной из отправных точек структурной семантики А.-Ж. Греймаса стало развитие положения Ф. де Соссюра о том, что естественный язык состоит из противопоставлений [20, с. 153–154]. Иначе говоря, потолок всегда предполагает наличие пола, равно как десница – шуйцу. Значение (как связь между означающим и означаемым) не может появиться на уровне отдельного *термина-объекта* (лексемы), оно возникает только благодаря наличию отношения между терминами. Таким образом, пара терминов,

¹ В феноменологической социологии смысл рассматривается как результат интерпретации переживания (феномена), а значение представляет собой лингвистическое выражение смысла, осуществляемое благодаря знаковой системе – естественному языку. О феноменологическом понимании знака и значения см., в частности [17, с. 58].

конституирующая значение, предполагает определенное общее для них основание – семантическую ось (семную категорию).

По мнению А. Греймаса, принцип семантической оси лежит в основе категоризации мира и определяет особенности различных исторических типов культур и культурное многообразие в целом [15, с. 36]. Очевидно, что семантические оси выступают также в качестве маркеров социальных различий [15, с. 102].

Другими словами, система семных категорий (семантических осей) может быть рассмотрена как когнитивное образование, обеспечивающее людям познание мира и деятельность в нем. Данная система задает структуру бинарных семных оппозиций, которые проявляются на лексическом уровне – в использовании тех или иных слов-лексем (схема 1).

Семная категория:	вертикальность	горизонтальность
Сема:	верх – низ	право – лево
Лексема:	пол – потолок	десница – шуйца

СХЕМА 1. Элементы структуры значения

Акстантная модель как инструмент анализа нарратива

В структурной семантике исследование значения основывается на анализе нарратива – рассказанной истории.

Как отмечает И. В. Троцук, «нарратив» остается одним из проблематичных понятий ввиду полисемии [21, с. 61–68]. С точки зрения структурной семантики нарратив может быть кратко определен как рассказ, повествование, ключевым элементом которого является сюжет (рассказанная история). И, соответственно, автобиографический нарратив – последовательный рассказ (устный или письменный) человека о событиях своей личной истории (своей жизни).

В структурном подходе к анализу нарратива, как правило, выделяется два измерения – рассказываемая история и повествующий дискурс [4, с. 392–393]. Структурно-семантический метод (как частный случай структурного подхода) сосредотачивает свое внимание на анализе рассказываемой истории, т.е. сюжета – за рамками рассмотрения остается анализ выразительных средств и их «художественная нагрузка».

Следует также обратить внимание, что фабула – «фактическая сторона повествования» [22, с. 640], а сюжет – вариант репрезентации фактов объективной истории. В этом смысле структурно-семантический метод, ориентированный на анализ сюжетного содержания, принадлежит конструктивистскому (а не реалистическому¹) подходу к интерпретации нарратива.

А. Греймас в разработке структурно-семантического метода использовал принципы морфологического анализа русской волшебной сказки В. Я. Проппа, существенно их переработав. Изменения претерпела система персонажей. Так, В. Я. Пропп выделил семь персонажей, которые играли определенную роль в повествовании [24, с. 88–89], но основание, на котором они выделялись, осталось «за кадром». Также А. Греймас заново категоризировал функции (роли персонажей в рассказе), сократив их число с 31 до 20².

Для изучения системы ролей А. Греймас предложил актантную модель, опирающуюся на принцип семантической оси. На основании трех универсальных модальностей – мочь, знать,

¹ В качестве примера реалистического подхода к анализу нарративов можно привести такое направление биографических исследований, как «история жизни» (*life story*). Так, Д. Берто считает, что основная задача социолога – увидеть за историями жизни отдельных индивидов социальный контекст, понять с помощью биографических интервью и наблюдения социальные силы, лежащие в основе социальных феноменов [23, с. 14–15].

² В настоящей статье мы сосредоточили внимание на описании актантной модели, умышленно оставив в стороне исследование системы функций.

желать, рассматриваемых как актантные категории, выделяется три оппозиции актантов. Таким образом, в актантной модели нарратива появляются шесть парных актантов: субъект-объект, адресант-адресат, вспомогательное средство-противник (схема 2).

СХЕМА 2. Актантная модель по А. Греймасу¹

Субъекту принадлежит главная роль в повествовании. В случае автобиографического повествования субъектом выступает сам рассказчик. *Объект* – цель, к которой стремится субъект. Отношения между первыми двумя актантами определяют если не главную интригу повествования, то обеспечивают основное развитие сюжета. *Адресант* (десигнатор, отправитель) – сила, задающая основную идеологию повествования и тем самым определяющая «правила игры». Адресант также является либо условием, либо причиной наличия объекта. *Адресат* (получатель) – воспринимает, задаваемые адресантом ценности, и сообщает (или подразумевает) то, что должен сделать субъект для достижения своей цели. Если вторая пара актантов связана с объектом, то последняя соотносится с субъектом. *Помощник* (вспомогательное средство) – сила, поддерживающая субъекта в реализации его стремления к обладанию объектом, а *противник* (предатель) – сила, действующая вопреки желанию субъекта, определяющая основные трудности на его пути к объекту.

Наличие в повествовании первой пары актантов – субъекта и объекта – служит неперенным условием, определяющим при-

¹ Следует обратить внимание, что в русском переводе книги «Структурная семантика...» в иллюстрации допущена опечатка [15, с. 261], верное направление стрелок приведено в более ранней публикации перевода этой главы [25, с. 161].

сутствие в нарративе сюжета. Другие актанты могут отсутствовать [12, р. 201].

Данная актантная модель основана на структурном анализе мифологического сознания, эманация которого обнаруживается в сказках, но тем не менее может быть перенесена и на другие области ментальности, поскольку мифологическая рациональность остается непреодолимым рудиментом человеческого мышления и основой повседневной рациональности.

Дизайн исследования. Краткое описание метода

Метод структурно-семантического анализа А. Греймаса представляет собой определенную перспективу для изучения нарративов, а не набор готовых рецептов для социологического осмысления текстов. Это обстоятельство определяет возможность для различных вариаций структурно-семантического анализа. В «Структурной семантике...» автор резюмирует свои теоретико-методологические размышления иллюстрацией анализа творчества Жоржа Бернаноса [15, с. 320–367].

Резюмируя разнообразные методические решения, изложенные в отдельных статьях [7–14; 26–27], постараемся отметить основные принципы и особенности дизайна структурно-семантических исследований.

В качестве исходных (эмпирических) данных используются разнообразные тексты: как первичные – транскрипты специально проведенных нарративных интервью, так и вторичные – релевантные теме исследования отдельные рассказы, биографии, «истории успеха», газетные статьи, новостные сообщения СМИ и др. Основное требование – наличие сюжета.

Отмечая общий дизайн современных исследований, использующих структурно-семантический метод, можно выделить два способа построения выборочной совокупности. Первый, харак-

терный для лингвистического подхода – формирование корпуса текстов как суммы сообщений, отвечающего требованиям репрезентативности, исчерпанности и однородности [15, с. 205–209]. Формирование данного корпуса – неперемное условие для решения задачи дескрипции лингвистической модели. Второй способ, чаще используемый в социологических исследованиях, предполагает отбор не текстов, а респондентов, с которыми проводятся нарративные интервью. Исследователи, как правило, идут дедуктивным путем, т. е. а priori полагают, что в выделяемых ими контрастных группах должны наблюдаться значимые различия, которые необходимо зафиксировать.

В рассмотренных нами статьях [7–14; 26–27] исследователи при анализе текстов работают только с актантной моделью, оставляя в стороне систему функций. Основная цель исследования – посредством определения актантной модели, совокупности актеров, выявить основную идеологию и ценности, заключенные в тексте. Для этого на основе анализа всего нарратива или его частей выделяются три пары актантов: Субъект и Объект, Адресант и Адресат, Вспомогательное средство и Противник. Далее проводится анализ каждого элемента актантной модели. Если актант – определенная роль, обозначенная в повествовании, то исполнять ее могут разные актеры (акторы). Следовательно, возможны три варианта соотносительности актантов и актеров. Первый вариант – каждому актанту соответствует один актер. Во втором случае исполнять ту или иную роль в повествовании могут несколько актеров. Наконец, возможен синкретизм актантов, когда две разные роли (например, субъекта и адресата) играет один и тот же актер.

В качестве результата (в зависимости от исследовательского вопроса и задач) может быть представлено подробное описание различных актантных моделей, создана типология дискурса на основе актантной модели. Полученные результаты могут также использоваться для дальнейшего количественного и/или экспериментального подтверждения.

Подводя итоги, отметим, что структурный анализ текстов, частный случай которого – структурно-семантический, относится к арсеналу дедуктивных методологических средств: исследователь ориентируется на предварительно созданную модель (теорию) описания и частные случаи (отдельные повествовательные тексты) рассматривает как варианты данной модели. Это обстоятельство принципиальным образом отличает структурно-семантический подход от методологии *grounded theory* («обоснованной теории») [28, p.10–11].

Процедуры и результаты исследования

В рамках работы по проекту, посвященному изучению жизненного мира верующих, перед нами стояла задача адаптации структурно-семантического метода для анализа автобиографических нарративов верующих людей. Для решения этой задачи, а также для иллюстрации данного метода нами был выбран один автобиографический текст, хранящийся в Биографическом фонде Социологического института РАН¹, где описывается религиозный поиск и обращение. Эта автобиография была написана женщиной в 1993 г. и прислана на конкурс биографий «Я рассказываю о своей жизни». Общий объем – 12 машинописных страниц.

На **первом** (предварительном) этапе анализа текста, после внимательного чтения нами были выделены смысловые фрагменты, размер которых колебался от одного предложения до абзаца. Данную процедуру, заимствуя терминологию «обоснованной теории», можно назвать открытым кодированием: каждому смысловому фрагменту – «навешивался ярлык» [31, с. 53–55]. Этот методический ход позволяет на порядок сократить исходные данные: вместо авторского повествования создается краткое изложение сюжета исследователем. Для облегчения дальнейшей

¹ Подробнее о собрании Биографического фонда см.: [29; 30].

работы все смысловые фрагменты были пронумерованы и кратко аннотированы (озаглавлены).

Далее весь автобиографический текст необходимо было разделить на отдельные эпизоды¹. Следует заметить, что в данном жизнеописании хронология событий жизни автора соответствует ее репрезентации в рассказе. Поэтому весь нарратив нами был поделен на отдельные сюжеты или «мини-нарративы» [27, р. 223], каждый из которых посвящен определенному жизненному этапу.

В свою очередь, в каждом эпизоде были выделены следующие элементы: основная *сюжетная линия*; *причины*, приведшие к описываемому противоречию (конфликту), обнаруживаемому в завязке и служащему основанием для развития действия; *процессуальные условия* развития данного противоречия; *следствия* его разрешения, которые, следует заметить, четко соотносятся с причинами другого противоречия (конфликта), описываемого в следующем эпизоде автобиографии.

Результатом данного этапа стала приводимая ниже структура жизнеописания.

1. Интерлюдия. Детство

Сюжет: покупка родителями игрушечного ведерка, его нечаянная порча, покупка нового, импрессионистское описание летнего отдыха.

2. Эпизод I. Школьные годы

Сюжет: начало учебы в школе, привыкание к новым условиям жизни, дружба и отношения с ровесниками.

Причины: переезд с родителями из пригорода в Ленинград.

Процессуальные условия: проблемы взаимоотношения со сверстниками, дружба с одноклассником, расставание с ним из-за насмешек окружающих и, наконец, его предательство.

Следствия: появление страха, замкнутость, чтение художественной литературы как компенсация общения, погружение в воображаемый мир.

¹ Отдельные авторы называют эпизоды секвенциями [12, 14], другие, напротив, к секвенциям относят весь корпус анализируемых текстов [32].

3. Эпизод II. Студенческие годы

Сюжет: поступление в Авиационный институт, занятия в аэроклубе.

Причины: выбор профессии как экзистенциальный вопрос – профессия «недоступная для простого смертного».

Процессуальные условия: успешное поступление и сдача сессии позволили поверить в свои силы; занятия в аэроклубе как испытание себя, чувство солидарности и братства в аэроклубе, «где дорожили каждым больше, чем собой»; экзистенциальные переживания – смерть четырех летчиков; любовь к инструктору; неудачный полет, положивший конец занятиям в аэроклубе.

Следствия: вначале были преодолены трудности взаимоотношения с людьми; после неудачного полета, ставшего последним, и окончания вуза вернулись проблемы отношения с людьми и ощущение бессмысленности жизни.

4. Эпизод III. Повседневная рутина и личная жизнь

Сюжет: рабочие будни, отношения с родителями, попытки устроить собственную личную жизнь.

Причины: окончание вуза, поиск смысла и цели жизни

Процессуальные условия: неинтересная работа; ощущение бессмысленности жизни; смена мест работы; знакомства, поиск человека, который мог бы стать супругом.

Следствия: частая смена мест работы; беспокойство, что «семья без будущего, без продолжения».

5. Эпизод IV. Жизненный кризис и религиозное обращение

Сюжет: жизненный кризис и приход к вере

Причины: отсутствие работы; беспокойство о здоровье родителей; неустроенность личной жизни; убежденность, что невозможно устроить личную жизнь из-за несовместимости зодиакальных знаков.

Процессуальные условия: совет верующих подруг обратиться к Богу; начало хождения в церковь; первая встреча и разговор со священником.

Следствия: разрешение внутренних проблем, обретение покоя, смысла жизни, уверенности в будущем.

Второй этап анализа предполагал построение актантной модели для каждого эпизода повествования – выделение отдельных актантов и актеров. В результате этого этапа была построена таблица, в которой сопоставлялась три пары актантов (строки) и эпизоды повествования (столбцы). Эта процедура позволила представить трансформацию актантной модели в нарративе.

В нашем случае, как было отмечено выше, в автобиографическом повествовании достаточно легко обнаруживались отдельные эпизоды. В первой части, которую мы условно назвали интерлюдией, сюжет как таковой отсутствует. Основное содержание – импрессионистические воспоминания о «душисто-пряном» детстве, уже в первом эпизоде ставшим потерянным раем. Если говорить о структуре данного жизнеописания в терминах художественного текста, то интерлюдия и первые два эпизода представляют собой экспозицию, основное развитие конфликта представлено в третьем эпизоде, в последнем фрагменте – развязка.

Кратко охарактеризуем трансформацию актантной модели.

Актер, исполняющий роль актанта-субъекта, на протяжении всего жизнеописания не изменяется – это сам рассказчик. Изменяется только его возраст: в начале повествования субъект – маленькая девочка, затем подросток, девушка и, наконец, женщина. Цель-объект, к которой стремится рассказчик – обретение смысла жизни. Если в детстве этот вопрос не был вполне осознан, а скорее воспринимался на интуитивном уровне, то по мере нарастания внутреннего конфликта и проблем, появлявшихся во взаимоотношениях с другими людьми, он оказывался основным мотивом для духовных поисков и экзистенциальных терзаний.

Автор повествования постоянно стремился вернуться к чувству внутреннего спокойствия, гармонии с окружающим миром, которое сформировалось в детстве и утратилось по мере взросления. Попытки снова обрести потерянный рай через дружбу, любовь каждый раз обречивались провалом. Единственным выходом из жизненного кризиса стала религиозная вера. Поэтому трансформацию адресанта можно

представить как последовательность сменяющихся экзистенциальных ценностей – Гармония, Дружба, Любовь, Бог. Адресатом в отдельных эпизодах повествования последовательно становились – неформальная общность, сложившаяся во время учебы в вузе, аэроклубное братство, собственная семья и, наконец, религия.

Книги, друзья по аэроклубу, сокурсники, значимые другие, верующие подруги, священник играли роль актантов-помощников. Основной противник – постоянно гнетущее чувство страха и бессмысленности. Диапазон актеров исполняющих эту роль широк – от конкретных персонажей (соперницы, предатели) до надындивидуальных сил – повседневная рутина, сила звезд (астрология).

Следует обратить внимание на обнаруженный синкретизм актантов в бинарной оппозиции «вспомогательное средство – противник». Актер, которого условно назовем Любимый человек, имеет амбивалентный характер. Он одновременно оказывался и помощником, и противником. Лейтмотив, заданный в первом эпизоде (лучший друг-одноклассник становится предателем), развивается в последующем повествовании. Также Любимый человек оказывается актером, исполняющим главную роль в Семейной жизни (адресат третьего эпизода). Мы умышленно останавливаемся на данном уровне интерпретации – на уровне актантной модели – поскольку очевидно, что дальнейшая интерпретация может оказаться уже в поле психоанализа.

Трансформация актантной модели в повествовании происходила за счет изменения некоторых актантов (в первую очередь пары адресант–адресат) и смены актеров, которые то выходили на передний план, то скрывались в глубине повествования. Практически неизменными оказался актант объект, определивший целостность жизнеописания – поиск ответа на вопрос о смысле жизни, определивший личные ценности на каждом жизненном этапе: Дружба, Любовь, Религиозная вера. К концу повествования окончательно установилась модель репрезентации собственной жизни, легитимирующая все предыдущие борения и искания.

Итоговая актантная модель может быть представлена следующим образом: *субъект* – рассказчик; *искомый им объект* – смысл жизни; *адресант*, задающий основные ценности – Бог; *адресат*, определяющий путь для субъекта к обретению объекта – религия; *помощник* – религиозная вера (священник, члены религиозной общины); *противник* – нивелированная сила звезд.

Приведенная в качестве примера, автобиография была написана в 1993 г., в то время, когда в нашей стране происходили бурные экономические, социальные и культурные изменения. Следует заметить, что описание этих событий социальной жизни оказалось за пределами повествования. В тексте в большей мере нашла отражение внутренняя жизнь.

Таким образом, данная модель представляет собой определенный тип репрезентации духовного поиска. В рассмотренном нами случае религия для автора повествования обеспечивает решение экзистенциальных и психологических проблем. Очевидно, что мотивация прихода к вере, описываемая в других нарративах, может быть совсем иной и, соответственно, другими окажутся актанты и актеры. Можно предположить, что в дальнейшем актантная модель может стать основой для построения типологии духовной жизни.

С нашей точки зрения, структурно-семантический метод анализа нарратива может быть успешно использован для исследования религиозной автобиографии – рассказа человека о своем собственном пути к обретению религиозной веры.

В религиозной автобиографии христиан правомерно выделить три ключевые точки – обращение, крещение, воцерковление – вокруг которых выстраивается повествование [33, с. 191]. Данные точки индивидуального пути разделяют повествование на отдельные эпизоды, в которых происходит трансформация актантной модели: изменяются актеры, их роли и, следовательно, смыслы и ценности, лежащие в основе повествования.

Таким образом, выделение в религиозной автобиографии трех ключевых событий духовной жизни индивида и использование

структурно-семантического подхода позволяет сопоставить и, в перспективе, типологизировать религиозный опыт индивидов.

Заключение

Отличительной особенностью метода структурной семантики является анализ сюжета нарратива и использование предложенной А. Греймасом актантной модели. Вокруг этого ядра строятся различные вариации и модуляции стратегий и общего дизайна исследования, зависящие от теоретической перспективы, гносеологической позиции и исследовательского вопроса, который стоит перед социальным аналитиком.

Использование актантной модели, системы функций позволяет, с одной стороны, в определенной мере нивелировать влияние исследователя на проводимый им анализ. С другой стороны, наложение заранее определенной структуры с необходимостью редуцирует многомерность нарратива. Коротко говоря, здесь снова актуализируется проблема ресурсов и ограничений качественной и количественной методологии.

Также ключевая особенность метода – специфическая область его применения в социологии. Очевидно, что анализ сюжета не предполагает исследования того «как было на самом деле», поэтому остается зазор между сигнификатом и референтом – между уровнем повествования и недискурсивной социокультурной реальностью. Основным результатом применения данного метода – выявление структуры значения и ценностей, репрезентированных в нарративе.

Важным ограничением структурно-семантического исследования автобиографии, равно как и нарративного подхода к анализу текстов, оказалось следующее обстоятельство: анализу подвергается не то, «как было на самом деле», т. е. фактический аспект повествования, а репрезентация данного события в нарративе. Более того, мы убеждены, что обстоятельства нарративизации также оказывают решающее влияние на повествование [34, с. 48–51]. Поэтому от-

крытым исследовательским вопросом остается проблема устойчивости отдельных нарративов одного рассказчика во временной перспективе и выявление зависимости содержания жизнеописания от условий коммуникации. Этот вопрос требует отдельного и подробного изучения. В частности, важно выявить, что измеряется в этом случае – актантная модель или же система функций.

Исследование системы функций, представленных в автобиографическом нарративе, может оказаться также полезным для выявления «типологического сюжета» жизненного сценария личности (Р. Черепанова) [35, с. 34], определяющего реальное поведение и автобиографическую репрезентацию.

В статье мы постарались представить опыт адаптации структурно-семантического анализа для изучения религиозной автобиографии. Использование предложенной А. Греймасом актантной модели для анализа отдельных эпизодов автобиографии позволило выявить трансформацию актантной модели и ее инвариант. Наш монографический анализ автобиографии в большей мере иллюстрирует эвристические возможности метода структурного анализа нарратива и обозначает перспективу для дальнейшего исследования автобиографических материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Троцук И.В.* Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Сер. социология. 2004. № 6/7. С. 56–74.
2. *Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.* Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитар. Центр, 2009.
3. *Creswell J.W.* Qualitative Inquiry & Research Design: Choosing Among Five Approaches. Thousand Oaks: Sage Publications, 2007.
4. *Барп Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 387–422.
5. *Czarniawska B.* Narratives in Social Research. Sage, 2004.
6. *Czarniawska B.* A Four Times Told Tale: Combining Narrative and Scientific Knowledge in Organization Studies // Organization. 1997. Vol. 4(1). P. 7–30.

7. *Larty J., Hamilton E.* Structural Approaches to Narrative Analysis in Entrepreneurship Research: Exemplars from Two Researchers // *International Small Business Journal*. 2011. Vol. 29. P. 220–237.
8. *Machill M., Köhler S., Waldhauser M.* The Use of Narrative Structures in Television News: An Experiment in Innovative Forms of Journalistic Presentation // *European Journal of Communication*. 2007. Vol. 22. P. 185–205.
9. *Hartz R., Steger T.* Heroes, Villains and ‘Honourable Merchants’: Narrative Change in the German Media Discourse on Corporate Governance // *Organization*. 2010. Vol. 17. P. 767–785.
10. *Pagel S., Westerfelhaus R.* Charting Managerial Reading Preferences in Relation to Popular Management Theory Books: A Semiotic Analysis // *Journal of Business Communication*. 2005. Vol. 42. P. 420–448.
11. *Askehave I.* If Language is a Game – These are the Rules: A Search into the Rhetoric of the Spiritual Self-Help Book *If Life is a Game – These are the Rules* // *Discourse & Society*. 2004. Vol. 15. P. 5–31.
12. *Seguin E.* Narration and Legitimation: The Case of *in Vitro* Fertilization // *Discourse Society*. 2001. Vol. 12. P. 195–215.
13. *Tonson P.* Mercy without Covenant: A Literary Analysis of Genesis 19 // *Journal for the Study of the Old Testament*. 2001. Vol. 26. P. 95–116.
14. *Sharon D. M.* Some Results of a Structural Semiotic Analysis of the Story of Judah and Tamar // *Journal for the Study of the Old Testament*. 2005. Vol. 29. P. 289–318.
15. *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика: поиск метода. М.: Академ. проект, 2004.
16. *Шюц А.* Феноменология и социальные науки // Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 180–201.
17. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. 2. // Гуссерль Э. Собр. соч. Т. 3 (1). М.: Гнозис; Дом интеллектуальной книги, 2001.
18. *Гадамер Х.-Г.* Философия и герменевтика // *Актуальность прекрасного*. М.: Искусство, 1991. С. 9–15.
19. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. М.: Академ. проект, 2008.
20. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // *Труды по языкознанию*. М.: Прогресс, 1977.
21. *Троцук И.В.* Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: РУДН, 2006. С. 61–68.
22. *Михайлов П.* Фабула // *Литературная энциклопедия*: в 11 т. Т. 11. М.: Худож. лит., 1939. Т. 11. С. 640–641. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/leb/leb-6402.htm> (дата обращения 23.08.2013).

23. Берто Д. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: мат. междунар. семинара. СПб.: ЦНСИ, 1997. С. 14–22.

24. Пропп В. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. URL: <http://feb-web.ru/feb/skazki/critics/pms/PMS-001-.htm> (дата обращения 23.08.2013).

25. Греймас А. Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 153–170.

26. Syrjälä J., Takala T., Sintonen T. Narratives as a Tool to Study Personnel Wellbeing in Corporate Mergers // Qualitative Research. 2009. Vol. 9. P. 263–284.

27. Vaara E. On the Discursive Construction of Success/Failure in Narratives of Post-Merger Integration // Organization Studies. 2002. Vol. 23. P. 211–248.

28. Charmaz K. Constructing Grounded Theory: A Practical Guide through Qualitative Analysis. L.: Sage Publications. 2006.

29. Божков О.Б., Дивисенко К.С. Электронная база данных Биографического фонда: краткий анализ материалов // «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 3. С. 60–62.

30. Дивисенко К.С. Биографический фонд как исследовательский ресурс социокультурных изменений // Петербургская социология сегодня: сб. научн. трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 113–130.

31. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обобщенная теория, процедуры и техники. М.: КомКнига, 2007.

32. Халина Н.В. Секвенционное построение теории коммуникационного общества // Извест. Алтайского гос. ун-та. 2008. № 2. С. 66–71.

33. Тупахина О.В. Религиозная биография как форма нарративизации жизненного мира верующих: на примере православных христиан // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 1. С. 185–197.

34. Дивисенко К.С. (Авто)биографический нарратив как коммуникативное действие и репрезентация жизненного мира // Социол. журнал. 2011. № 1. С. 36–52.

35. Черепанова Р.С. Биографический текст в пространстве интертекстуальности // Право на имя. Биографика 20 века. Восьмые чтения памяти Вениамина Иофе: сб. статей. СПб.: Мемориал, 2011. С. 33–39.